

Г.И.Тираспольский (Сыктывкар)

РУССКИЕ, НЕМЕЦКИЕ И КОМИ ПОСЛЕЛОГИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В современном русском языке некоторые предлоги наделены свойством употребляться не только в препозиции к грамматически зависимому полнозначному компоненту подчинительного словосочетания, но и в постпозиции к нему, напр.: . . . окна в стенах были прорублены маленькие, теплоты ради (Тургенев. Старые портреты); Я жить хочу! Хочу печали, Любви и счастью назло. . . (Лермонтов. Я жить хочу! .:); Что ты заводишь песню военную, Флейте подобно, мильй снегирь? (Державин. Снегирь); Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву); Все до самых мелочей совершается мне напротив. (Гоголь. Письмо к В. Жуковскому); Ехавший мне навстречу частный пристав соскочил с саней (Жихарев. Записки современника); Раз шахтеры (шахты близ) распустили нюни . . . (Маяковский. Сказка для шахтера-друга. . .); Вот наш герой подъехал к селям; Швейцара мимо он стрелой взлетел по мраморным ступеням (Пушкин, Евгений Онегин); Впрочем, (что ж болтанье!) Спиритизма вроде. (Маяковский, Юбилейное); Дома, Фёдору Михайловичу казалось, все делалось ему наперекор (Л. Толстой. Фальшивый купон); Времена спустя /на восстанье наше, / на желанье, на призыв / двинулись / земли низы (Маяковский, Рабочим Курска).

Наличие в русском языке таких служебных слов (их можно условно назвать "последлогами") на индоевропейском языковом фоне не представляет собой чего-то исключительного. Слова этого типа функционируют и в других индоевропейских языках. Так, например, латинский предлог cum "с, вместе с" в сочетании с личными и возвратными местоимениями всегда употребляется постпозитивно, сливаясь с предшествующим словом в одно целое, ср. ad te "к тебе" и tecum с тобой". Употребительны последлоги в современных индийских (Серебрянников 1974: 325) и иранских языках (Опыт 1976: 163-167; Шерер 1978). Однако в количест-

венном отношении русские послелогои все же настолько уступают предложениям, что эти постпозитивные слова с полным основанием можно назвать грамматическим раритетом.

В лингвистической литературе русские послелогои должного освещения не получили. Имеются лишь разрозненные наблюдения над словами этого типа и краткие замечания о них (Виноградов 1972: 208; Тагамлицкая 1960: 165-167; Дмитриев 1962: 166; Грамматика 1960: 152, 660). Примечательно в этой связи, что авторы одного из авторитетных и широко известных справочников утверждают: "В русском языке послелогов нет". (Розенталь, Теленкова, 1976: 304).

Слабо исследованы и немецкие послелогои. О них ничего не говорится в таких, например, крупных описательных работах, как "Основные вопросы немецкой грамматики" В.Шмидта и "Очерк немецкой грамматики" Й.Эрбена (Schmidt 1967; Erben 1966). Кратко о немецких послелогоах упоминает В.Юнг (Jung 1968). В ряде немецких грамматических наставлений послелогои рассматриваются в корпусе предлогов и отграничиваются от последних как их синтактико-позиционные варианты, употребляющиеся в постпозиции либо факультативно, либо облигаторно (Brinkmann 1962: 155-156; Helbig 1975: 364-365; Grundzüge 1981: 698). Некоторые исследователи, освещая соответствующие постпозитивные служебные слова, отмечают, что на их употребление накладываются определенные функционально-семантические ограничения. Так, например, слово nach в постпозиции по отношению к существительному не участвует в выражении обстоятельственных, в частности, локативных и темпоральных значений. Употребление же этого слова в постпозиции для выражения более абстрактной семантики ограничено в свою очередь условием сочетаемости существительного с местоименным детерминативом, напр.: *allem anschein nach* "по всей видимости", *meiner Überzeugung nach* "по моему убеждению" (Brinkmann 1962: 156; Reiter 1975: 154).

Более развернутая характеристика слов рассматриваемого типа содержится в грамматическом наставлении советского германиста В.Г.Адмони. "Предлоги, как говорит уже их название, стоят обычно перед именами существительными, прилагательными и числительными, к которым они относятся, — пишет В.Г.Адмони. — Существуют, однако, такие предлоги, которые употребляются после соответствующих имен. Всегда стоят в постпозиции *halber* "ради", *zuliebe* "ради", *zuwieder* "вопреки"; как в препозиции, так и в постпозиции употребляются *entgegen* ["вопреки"], *entlang* ["вдоль"], *gegenüber* ["напротив"], *nach* ["по, со-

гласно"], ungeachtet [”несмотря на”], wegen [”из-за”], zufolge [”вследствие”]. . . В этой синтаксической позиции иногда стирается граница между предложениями и отделяемыми приставками. В предложении Ich ging meinem Freund entgegen [”Я шел своему другу навстречу”] слово entgegen [”навстречу”] может относиться как к глаголу, так и к группе существительного (entgegengehen — meinem Freund entgegen) [”идти навстречу — моему другу навстречу”]. Здесь существуют двусторонние синтаксические отношения, напоминавшие о тех синтаксических связях древних обстоятельственных наречий, из которых развились и предлоги, и отделяемые приставки. Схожи с наречиями и такие постпозитивные предлоги, как von . . . an, von . . . auf и т.п., напр. von Anfang an ”сначала”. С другой стороны, некоторые постпозитивные предлоги не имеют ничего общего с наречием. Это отсубстантивные послелого, которые не находят соответствий с отделяемыми приставками (wegen, um, . . . willen [”ради”] (Admoni 1972: 143).

Из приведенной цитаты нетрудно заключить, что, подобно русским, немецкие послелого составляют незначительную по объему и количественно замкнутую группу непродуктивных грамматических слов.

Иная картина наблюдается в коми языке. Среди служебных слов коми послелого занимают господствующее положение, решительно преобладая в количественном отношении над препозитивными служебными словами. Последние, кроме того, с именами не употребляются, сочетаясь лишь с глаголами и, реже, с другими частями речи, напр.: Мед олас миян страна! ”Да здравствует наша страна!”; Шонді увтасмигас Рѳман волі муно̄ пожѳма ягѳд (И.Пыстин) ”Во время заката солнца Роман шел [букв.: было идет] по сосновому бору”. Важной особенностью коми послелогов является то, что они, в отличие от соответствующих русских и немецких служебных слов, входят в грамматическое сочетание с нулевой формой имени, тогда как русские и немецкие послелого сопровождают имя в соответствующей падежной форме*. Ср. примеры из коми языка: пъзаньн ”в столе” (пъзан ”стол”, -ньн суффикс местного падежа) и пъзан выльн ”на столе” (выльн послелог со значением ”на ком-чем-либо”). Исключени-

* В том случае, если существительное или другая именная часть речи русского языка относится к разряду несклоняемых, послелог здесь также может войти в сочетание с нулевой формой имени. Случаи употребления послелогов с несклоняемыми именами в русском языке нами, впрочем, не зафиксированы, хотя теоретически они, по-видимому, возможны.

ем из этого являются послелогои в сравнительном значении, напр. дорысь, вывтї. Предшествующие им существительные и местоимения получают ту или иную падежную форму в зависимости от общего смысла предложения, напр. выньсь вывтї уджавны "работать сверх силы" (вын "сила", -ысь суффикс исходного падежа). Вряд ли случайно, что такое грамматическое явление имеет место в сравнительных конструкциях. Компаративный оборот нуждается в особо точной смысловой дифференциации между его компонентами; в ином случае признак, который привлекается к сравнению, не получит точного "адресата" или будет приписан соответствующему предмету в прямом противоположном смысле. Для того, чтобы этого не случилось, коми язык прибегает к смысловому усилению послелога падежным аффиксом существительного или местоимения. В формальном отношении такой прием избыточен, но в семантическом и, шире, в коммуникативном плане он совершенно необходим. Это же относится и к сочетающимся с падежной формой имени коми послелогам типа отдор "кроме, помимо" с ограничительной семантикой, ср.: Ас чельдысь отдор быдтоны вокльсь пи "Помимо своих детей они воспитывали племянника"; плянсь отдор "сверх плана".

В русском языке между послелогом и грамматически зависимым именем или местоимением возможно вклинивание различных компонентов словосочетаний и членов предложения, напр.: Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради (Пушкин, Капитанская дочка); Часа два спустя я уже был в Ряbove. . . (Тургенев, Бурмиетр); Трубил нам лось, и волк нам выл вослед. . . (Заболоцкий, Творцы дорог); . . . мне все идет наперекор (Пушкин, Письмо к П.Вяземскому). В немецком языке случаи дистантного расположения послелога и непосредственно связанного с ним полнозначного слова нами не зарегистрированы, а в коми языке такие случаи совершенно невозможны. Следует заметить, впрочем, что дистантное употребление русских послелогов — явление нечастое и определяемое преимущественно реликтивными свойствами этих послелогов как недавних наречий или адвербиальных сочетаний имени и предлога. Так, в цитированном выше примере ". . . мне все идет наперекор" интересующий нас послелог писался Пушкиным в два слова: на перекор, — что с несомненностью свидетельствует о его неполом превращении в служебное слово.

В русском языке все послелогои, а в немецком — многие способны употребляться и чаще всего употребляются в препозиции, ср.: Поспешными шагами шел мне навстречу (Герцен, Кто виноват?) — и следующие примеры: Навстречу им она встает (Пуш-

кин, Египетские ночи); . . . сбежали с лестницы навстречу гостям (Вельтман, Саломея). Нетрудно понять, что на фоне коми послелогов, которые все без исключения выступают только в постпозиции, указанные русские служебные слова могут быть названы послелогом лишь с известной степенью условности (что уже отмечалось выше). Поскольку все так называемые русские послелог и многие немецкие способны употребляться и в пост- и в препозиции, попеременно как бы окружая соответствующее полнзначное слово, их целесообразно назвать циркумлогами (от латинского *circum* "вокруг" и греческого *lógos* "слово").

Таким образом, с точки зрения условий синтаксического употребления сходство между русскими и немецкими циркумлогами, с одной стороны, и коми послелогом, с другой, весьма относительно. Ближе в этом отношении к коми послелогам немецкие слова *halber*, *zuliebe*, *zuwider*, которые, как уже отмечалось, употребляются только в постпозиции. Однако от коми послелогов они отличаются своей способностью сочетаться со склоняемыми именами и местоимениями, что абсолютному большинству коми постпозитивных слов не свойственно. Наибольшее сходство в синтаксическом аспекте существует между указанными немецкими словами и коми послелогом типа дорысь, поскольку и те и другие входят в сочетание со склоняемыми именами и местоимениями (примеры см. выше).

Резко отличает коми послелог от функционально сходных постпозитивных слов в русском и немецком языках способность первых к грамматической изменяемости. Некоторые из так называемых послелогов-имен (т.е. послелогов отыменного происхождения) в коми языке могут присоединять к себе падежные суффиксы, ср., напр. выл-ын "на ком-чем-л.". (-ын показатель местного падежа), выл-ö "на кого-что-л." (-ö формант вступительного падежа), выл-ысь "с кого-чего-л." (-ысь суффикс исходного падежа). Многие отсубстантивные послелог способны присоединять к себе аффикс множественного числа -яс-, ср.: гора пö-лön "по склону горы" и гора пöлönь-яс-ын "по склонам гор"; а некоторые из них — имеют указательные и притяжательные формы, напр.: мунöм бöрын "после ухода", мунöм бöраным "после нашего ухода", мунöм бöраныд "после вашего ухода", мунöм бöраныс "после их ухода"* В немецком языке некоторые предлоги могут притягивать к себе падежные форманты определенного артикля, ср., напр.: an dem Sonnabend, am Sonnabend "в субботу"

* Эти и некоторые другие коми примеры заимствованы из кн.: Современный коми язык. — Сыктывкар, 1955. — Ч. 1.

zu dem Bahnhof gehen и zum Bahnhof gehen "идти на вокзал" (см. Jung 1968: 370). Особенно часто слияние предлога и артикля наблюдается в немецкой разговорной речи. Грамматически изменяемые предлоги есть и в других индоевропейских языках, напр., в кельтских (см. Серебренников 1974: 78). Однако сходство между грамматически изменяемыми коми послелогоми и указанными немецкими предлогами достаточно отдаленное, поскольку первые употребляются только в постпозиции, а вторые — в препозиции, и, кроме того, немецкие предлоги способны присоединять к себе лишь падежный показатель, тогда как коми послелоги имеют более широкий набор грамматических аффиксов.

В русском языке есть служебные слова, которые имеют определенное сходство с циркумлогами русского и немецкого языков, а также с коми послелогоми. Традиционно их относят к составным предлогам (Русская грамматика 1980: 706). В тех случаях, когда эти служебные слова находятся в препозиции к имени и местоимению (напр. вдали от дома, в отличие от него), то такое наименование соответствует их синтаксическим свойствам. Однако указанные слова нередко употребляются иначе, а именно: одна часть их ставится перед именем или местоимением, а другая — после него. Вот некоторые примеры: ... пойдёте к нему навстречу (Герцен. Кто виноват?); ... Я вижу над Русью далече Широкий и тихий пожар (Блок. На поле Куликовом); Отошла (земля) к живоглотам назад ... (Маяковский. Сказка о дезертире. . .); Ужель идти из дома прочь? (Заболоцкий. Новый быт); Дым, подобно белой тройке, Скачет в облако наверх (Заболоцкий. На даче); Мир над миром существует, Вылезай из гроба прочь! (Заболоцкий. Испытание). Учитывая, что в указанных случаях служебное слово расщепляется на два дистантно расположенных компонента, его можно назвать фрактумлогом (от латинского fractum "сломанное, разбитое" и греческое logos "слово"). Понятно, что лишь вторая, постпозитивная часть фрактумлога может рассматриваться как некоторый аналог циркумлогов и послелогов. Значительно большее сходство обнаруживается между русскими фрактумлогами и немецкими служебными словами, которые принято называть zweiteilige Präpositionen "двучастные предлоги" (ср. um des Kindes willen "из-за, ради ребенка", vom Wagen aus "из вагона", von Jugend auf "с юности", an der Tribüne vorbei "мимо трибуны"), вследствие чего таким немецким словам позволительно присвоить то же наименование "фрактумлоги". Следует заметить, впрочем, что, в отличие от русских, немецкие фрактумлоги всегда употребляются в "разбитом" виде, тогда как в русском языке расщепленность таких слов — их

непостоянное, факультативное свойство (примеры см. выше).

В коми языке мы не находим сколько-нибудь убедительных аналогов русских и немецких фрактумлогов, что объясняется особым свойством коми языка, которое можно определить как позиционную избирательность служебных слов. Заключается это свойство в том, что какое-либо служебное слово в коми языке, сочетаясь с обслуживаемым полнозначным словом, употребляется по отношению к последнему либо только в постпозиции (что бывает чаще), либо только в препозиции и не способно в иных контекстах, как это наблюдается в русском и немецком языках, менять эту позицию на противоположную. Так, коми послелогии всех типов только постпозитивны, вспомогательные глаголы по отношению к полнозначным могут быть только препозитивными и т.д. Объяснимо поэтому и отсутствие в коми языке циркумлогов, отличительной чертой которых является мена позиции по отношению к обслуживаемому полнозначному слову в разных контекстах. В известной степени позиционная избирательность свойственна русским и немецким служебным словам (этим, в частности, объясняется преобладание здесь предлогов над циркумлогами, послелогоми и фрактумлогами), но такое свойство проявляется здесь не в форме строгого закона, а как непоследовательная тенденция.

Существование в коми языке позиционной избирательности служебных слов объясняется наличием в нем достаточно выраженных свойств изолирующего типа (последний в его полном проявлении характеризуется, как известно, скудностью аффиксальных форм и преобладанием аналитических средств выражения грамматических значений), сочетающегося с развитой агглютинативностью и флективноподобными явлениями. Черты изолирующего типа проглядывают в коми языке достаточно явно. Это, прежде всего, послеложно-именные конструкции с нулевой формой существительного, неизменяемые прилагательные в определенной функции, атрибутивные сочетания существительного с существительным типа мельник пи "сын мельника", чыкыщ поз "гнездо ласточки", дефективная форма полнозначного глагола в парадигме отрицательного спряжения и некоторые другие. А так как словорасположение, компенсирующее скудность аффиксов, выполняет в изолирующих языках важную грамматическую функцию, в коми языке, имеющем заметные свойства изолирующего типа, сложилась и действует рассмотренная позиционная избирательность служебных слов.

В русском языке, для которого показателен развитый синтетизм (Тираспольский 1981), грамматический порядок слов не

играет сколько-нибудь существенной роли, чем и объясняется позиционная мобильность рассматриваемых служебных слов. Синтаксическая подвижность немецких слов этого типа меньше, чем в русском языке, именно потому, что по степени своей синтетичности немецкий язык уступает русскому (Moser 1965), вследствие чего тенденция к позиционной избирательности служебных слов здесь действует более последовательно.

Рассмотренные свойства русских, немецких и коми послелогов обобщенно отражает таблица.

Их признаки	Разряды служебных слов	Русские циркумлоги	Немецкие циркумлоги	Немецкие послелог	Коми послелог, кроме <u>дорьсь</u> и т.п.	Коми послелог типа <u>дорьсь</u>
Постпозиция		+	+	+	+	+
Препозиция		+	+	—	—	—
Сочетаемость со склоняемым именем и местоимением		+	+	+	—	+
Сочетаемость с несклоняемым именем и местоимением в постпозиции		—	—	—	+	—
Дистактность в постпозиции		+	—	—	—	—
Контактность		+	+	+	+	+
Грамматическая изменяемость		—	—	—	+	—

Примечание. Знаком "+" "плюс" обозначено наличие соответствующего признака, знаком "минус" — его отсутствие.

Сокращения

Грамматика 1980 — Грамматика русского языка, т.1, М. Опыт 1975 — Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т.1. М.; Розенталь 1976 — Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов, 2 изд., М.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. 1972, Русский язык, 2 изд., М.
- Дмитриев Н.К. 1962, Строй тюркских языков, М.
- Серебрянников Б.А. 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, М.
- Серебрянников Б.А. 1974, Некоторые вопросы истории кельтских языков // Кельты и кельтские языки, М.
- Тагамлицкая Г. 1960, О развитии некоторых значений дательного падежа в русском и болгарском языках // Языковедческо-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски, София.
- Тираспольский Г.И. 1981, Становится ли русский язык аналитическим? // ВЯ, 1981, № 6.
- Шерер В.Э. 1978, К проблеме послелога в современной лингвистике // Советская тюркология, № 6.
- Admoni W. 1972, Der deutsche Sprachbau, 3. Aufl., Leningrad.
- Brinkmann H. 1962, Die deutsche Sprache, Düsseldorf.
- Erben J. 1966, Abriss der deutschen Grammatik, Berlin.
- Gründzüge 1981 — Gründzüge einer deutschen Grammatik, Berlin.
- Helbig G., Busch J. 1975, Deutsche Grammatik, Leipzig.
- Jung W. 1968, Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig.
- Reiter N. 1975, Die Semantik deutscher und russischer Präpositionen, Berlin.
- Schmidt W. 1967, Grundfragen der deutschen Grammatik, Berlin.